

УДК 316.48
ББК 60.545.1
Я 91

Т.Л. Яхьяев

Старший преподаватель кафедры социологии и социальной работы Северо-Кавказского социального института, тел. 8 918 745 99 28

Явные и латентные вопросы национального конфликта: взгляд социолога

Аннотация: Рассматриваются проблемы разработки и реализации государственной стратегии в сфере социокультурной межнациональной практики, продиктованные объективными факторами - полиэтничностью и поликультурностью нашего государства.

Ключевые слова: Социология культуры, этническая культура, национальный конфликт, солидарность.

T.L. Yakhyaev

Senior Lecturer of Sociology and Social Work Department of the North-Caucasian Social Institute, ph.: 8 918 745 99 28

Obvious and latent questions of the national conflict: a view of the sociologist

Abstract: The paper examines the problems of working out and realization of the state strategy in sphere of sociocultural international practice, dictated by objective factors - multiethnicity and multicultural of our state.

Keywords: Sociology of culture, ethnic culture, the national conflict, solidarity.

Одним из основополагающих направлений формирования этнической культуры является установление государственного языка как официального средства общения в рамках данного государства. В полиэтничном обществе государство обычно определяет язык одного этноса в качестве языка официального делопроизводства, за этим следует его обязательное изучение для всех жителей страны, использование знания этого языка в качестве критерия контроля над уровнем образованности и развития при поступлении в университеты, принятии на работу и т.д. Таким образом, этнический язык поддерживается государством в качестве ведущего средства межэтнического общения.

В самом демократическом государстве наличие официально провозглашенного или фактически существующего государственного языка выступает как мощный инструмент этносоциальной стратификации. Такая официальная иерархия имеет два уровня: государственный и прочие языки, то есть негосударственные. В более сложных случаях иерархия имеет несколько этажей: общегосударственный, официальный региональный, а порою и субрегиональный язык и прочие языки, не имеющие официального статуса. Так, ранее фактически в качестве государственного языка выступал русский, в союзных республиках наряду с русским – язык титульного этноса, в рамках ряда союзных республик существовали автономные республики, округа со своими официальными языками, на самом низу пирамиды – языки прочих народов, не имевших своих государственных образований. В постсоветской России наряду с государственным русским во всех республиках в составе РФ действуют официальные языки второго (республиканского) уровня, также поддерживаемые силой государства. Развитие и использование всех прочих языков – это частное дело граждан [1].

В этих условиях те, для кого государственный язык является родным, неизбежно оказываются в привилегированном положении. Никакие конституционные гарантии и институты не в состоянии устранить это неравенство.

В ряде стран национальная принадлежность являлась или является одной из важнейших паспортных характеристик. В одних случаях официальная идентификация фиксирует самоидентификацию, в других делается попытка ввести объективные критерии официальной идентификации этничности. Это становится особенно важным в тех случаях, когда разные этнические поля имеют различия в официальном статусе (дискриминируются или получают привилегии). С помощью этого механизма индивиды буквально загоняются в этнические поля, порою в те, с которыми давно утратили всякие отношения в результате ассимиляции и связаны лишь памятью о происхождении предков.

Члены многих этносов нередко требуют такого официального закрепления национальной принадлежности, в том числе и посредством принудительных процедур, удерживающих в этническом поле тех, кто стремится его покинуть. Так, введение в постсоветской России новых паспортов без указания национальности было воспринято в ряде республик как посягательство на национальные права. Для этнических меньшинств официальная фиксация в паспорте национальности – это инструмент торможения ассимиляции. Но для тех представителей меньшинств, которых волнует не разрушение этнических границ, а предотвращение их стигматизации как чужаков, устранение официальной фиксации национальности – прогрессивная мера, создающая условия для свободы личности.

К этой же категории официальных принудительных маркеров этничности относится фамилия. Это символический предписанный статус: ее никто не выбирает, она принимается с рождением и может изменяться в связи с замужеством (иногда женитьбой), фиксируется во всех документах, сопровождающих индивида на протяжении всей жизни. Поскольку основная часть фамилий указывает на этническую принадлежность, они выполняют функцию маркировки членов этноса, где бы они ни находились.

Таким образом, для социологов представляют интерес следующие параметры национального: власть (элита), способы национальной идентификации, система национальных движений и организаций, межнациональные конфликты. Мы полагаем, что такой подход не дает представления о социологических параметрах национального и, более того, снижает эффективность социологических исследований в решении актуальных социальных задач. Нам представляется, что для того, чтобы социология заняла достойное место в решении проблем национальных отношений, необходимо выйти на макроуровень и рассмотреть следующие проблемы:

- 1 Определить нацию и национальное как социологические категории.
- 2 Выяснить соотношение государственного и национального как на теоретическом, так и на эмпирическом материалах структурирования федеративных отношений в России.
- 3 Эксплицировать и измерить конфигурации массового сознания в национальных отношениях в России.
- 4 Обобщить материал социологических исследований по конкретным регионам с целью разработки модели макросоциологической структуры национального государства или отдельных полиэтничных регионов, входящих в его состав [2].

Поскольку все эти задачи в одной работе и силами одного автора решить невозможно, мы выделим те аспекты проблемы, которые актуальны для конкретного, но устойчиво кризисного региона - Северного Кавказа.

Свою этническую принадлежность по нашим данным постоянно ощущают 78%, хотя это проявляется по-разному. 66% так или иначе чувствуют ущемление национального достоинства - 22% пережили это в детстве, 11% - испытывают в общественных местах, 33% - по месту жительства.

В то же время чувство национальной гордости довольно низкое - 56% (по сравнению с 91% у русских в том же регионе). Но большинство - 67% не хотят покидать землю, на которой им, казалось бы, не очень уютно. Разумеется, здесь сказывается эффект «двойной Родины», но сейчас вопрос не в этом, а в том, что этнические компоненты сознания выражены на личностном уровне несравненно ярче, чем у «благополучных» немцев, живущих на своей исторической родине. Социально-экономические условия существования актуализируют эти составляющие сознания и придают им определенную направленность.

В западной философии и социологии исходным пунктом нового направления стало признание этнического самосознания как системообразующего признака этноса и структурирующего фактора развития личности. Материал в этой области был накоплен, но он перестал «работать». По сути, объект исследования остался тем же, но в нем обнаружились новые стороны, которые и стали предметом активного внимания ученых. По словам одного из крупнейших представителей нового направления Дж. Ротшильда, основной интерес стало представлять «политическое измерение и политико-структурное содержание этничности».

Этнополитика как область знания родилась из исследований личности. Еще в 60-е годы XX в. М. Парето употребил сам термин, когда изучал взаимосвязь между этнической принадлежностью и политическими приоритетами людей. Эмпирический материал накапливался в процессе исследования этноспецифических групп меньшинств, в частности, таких, как тяга людей к солидарности и предрасположенность к общему самосознанию. В 80-е годы XX в. эти исследования приобрели и собственно политический смысл, так как в обществе накопились проблемы и конфликты, требующие политического согласования. Оно представлялось возможным на основе выявления этнических идентичностей и преданностей разных уровней (как группового, так и личностного, хотя последний всегда считался для западных исследователей приоритетным).

Несмотря на то, что термин «этнополитика» призван был обозначать деятельность социальных групп, он распространялся и на отдельных личностей в видоизмененном варианте - «политизированная этничность». Это, по сути дела, проявление этнической сущности индивида в форме политических устремлений. Источник формирования таких устремлений - в конфликте между государством и этническим меньшинством. Надо сказать, что такое ограничение проблемы конфликта социального и этнического - тоже отражение реалий современного мира. В наиболее острой форме он проявляется именно во взаимоотношении между этносом, постоянно стремящимся к государственному самоопределению, и государством, сдерживающим эти устремления.

Надо сказать, что только недавно исследователи «открыли» для себя давно существовавшее явление - в мире, практически, нет мононациональных государств. С XIX века правилом в исторической действительности являются многонациональные государства. Но проблема взаимоотношения этносов в рамках одного государства и взаимоотношений каждого этноса с государством актуализировалась только сейчас. Для личности в этих условиях идентификация себя с этносом и себя с государством становится порой неразрешимой, поскольку многие этносы своей государственности не имеют. «Национализация государства», таким образом, есть способ решения внутреннего конфликта личности. Прямо эта мысль исследователями данной проблемы не выражена, но как еще можно понимать такое, например, высказывание: «Этничность является политической не просто в том смысле, что она служит мобилизацией групп по интересам, а также в том, что она стала решающим ингредиентом в создании, распространении и сохранении наиболее важного политического аппарата - государства» [3].

То, что проблема осознается как интернациональная, подтверждает сходная с мнением американских исследователей позиция кельнского исследователя П. Альтера, который считает, что политическое единство и этнико-культурное единство

должны соответствовать друг другу. Единство культурной нации не должно ущемляться государственно-политическими границами. Нация без государства носит неполный характер, а государство неполно без нации. Создание национального государства, в котором находят воплощение представления как о самоопределении, так и о суверенитете народа, является поэтому целью национальных движений, высшей целью всей истории, исполнением времени. Устремление к национальному государству прокладывает себе дорогу с неодолимой силой, поскольку с точки зрения участников национальных движений такое устремление есть осуществление прогресса.

П. Альтер не всегда прав, впрочем, как не во всем прав и К. Энлоэ. Ничто так не тормозит прогресс в постиндустриальном обществе, как попытки образования «нации-государства», поскольку интернационализация технологий, интеграция экономики несовместима с этнической дифференциацией. Именно поэтому возникающие конфликты, о которых говорилось выше, суть проявления конкуренции двух типов человеческой эволюции - этнического и социального. Западные исследователи констатировали отголоски этого конфликта только как диспропорцию социальных ролей личности, и то в специальных исследованиях по социальной психологии. Ближе всех к пониманию сущности конфликта подошел Дж. Ротшильд, но и он не решился его констатировать.

В своей классической работе «Этнополитика» он отмечает, что «политизация этничности» происходит в тот момент, когда в этническую группу проникает универсальная культура и технология, но основой политизации он считает уникальную этноспецифическую культуру группы. Эта ситуация названа им «парадоксом политизации этничности». Результатом этой парадоксальной ситуации является «общая гибридная тенденция», состоящая из одновременного стремления к универсализации и к усилению «этнополитической преданности».

Ситуация, характерная для развитых стран становится актуальной и для России по мере преодоления системного кризиса. В то же время Россия имеет ряд существенных отличий, которые не позволяют прямо применить логику этнополитиков к анализу перспектив ее развития. Возможно поэтому в последнее время наши известнейшие ученые Арутюнян, Иванов, Руткевич, Тадевосян, Тишков и др. активно разрабатывают этническую тему. Одним из вариантов этой разработки является идея этнонации, которая представляется прагматически ценной для конкретной социологии, а потому мы остановимся на ней подробнее в следующих разделах работы.

Для обозначения стадий развития генетически тождественного этноса имеются обозначения: род-племя, народность и нация. Стадия, которую обозначают «родо-племенные отношения» - это ступень макросоциального процесса. В этническом плане здесь типичной является родо-племенная структура. Что это такое? В строгом смысле род - это группа кровных родственников, ведущая свое происхождение по одной линии (отцовской или материнской). Род пришел на смену первобытному человеческому стаду. Для него характерна экзогамность (запрет браков внутри рода), которая выступает для него в роли структурообразующего фактора. Возникновением рода завершилось становление человечества. Родовые связи были формой, в которой существовали общественные, в том числе производственные, отношения.

Как видим, в данном определении первая этническая форма выделяется как системообразующая по отношению к технологическому конструкту социума. Очевидно, что родовая структура и производственная в виде ручного труда выступают как нерасчлененное единство. Определяющими для социума являются координаты генетического пространства. Межэтнические контакты определяются задачей сохранения ареала обитания. На этом этапе имеет место самая высокая степень «мы-идентичности» в сознании индивида. Здесь характерно отношение к этносу как высшей ценности. При родовой форме этноса первоначально еще нет идентификации представителей другого рода с самими собой, их рассматривают как представителей другого животного вида. Это хорошо описано в исследованиях Энгельса и М. Мида.

По мере развития экзогамии образуются племена. Племя - это «тип этносоциальной общности доклассовой эпохи, основное компактное этническое образование, свойственное первобытнообщинному строю» - здесь мы вынуждены прервать цитату для необходимого комментария. Это определение уже жестко привязано к социологическому подходу в его формационном варианте. Поэтому оно имеет форму ретроспективного - классовой эпохи еще нет, но мы уже определяем социальные явления в ее терминах. Нам кажется это несколько прямолинейным и не совсем корректным. Логичнее было бы определить племя через категорию этнического пространства, где территориальная общность является необходимым и достаточным условием для временного развития экзогамии. Но продолжим цитирование в той части, которая представляется нам верной: «На ранней стадии своего развития племя представляет собой совокупность родов, связанных между собой общими чертами культуры и сознанием общего происхождения. В развитом первобытном обществе племена свойственны также органы власти, не имеющей политического характера, общность диалекта, единство религиозных представлений, обрядов и наличие собственного имени. Вытеснение родовых отношений товарными привело к распаду племен и к объединению их в народность» [4].

Здесь опять отождествление социального и этнического - «смена родовых отношений товарными», «племена свойственны органы власти...». Только вот распада племен не происходило. Происходило «диалектическое снятие». Другими словами, принципиально значимые для самосохранения и самовоспроизводства социума структуры и функции племени воспроизводятся в народности, но уже на более широкой основе. Однако уже в определении четко прослеживается соотношение шкал социального и этнического.

С началом расхождения этнической и социальной ветвей эволюции происходит прямое соотнесение соответствующих форм общества, здесь возможны только сопоставления на очень высоком уровне обобщения. Так, первобытный строй, рабовладение и феодализм соотносятся с эпохой ручного труда, капитализм и социализм (в том виде, в котором он признается как общественный строй), - с машинным производством, постиндустриальное общество - с автоматизированным производством.

Аналогично род, племя, народность - это этнические общности эпохи ручного труда, нация - индустриальной эпохи, наднациональные общности - эпохи автоматизированного производства. Однако можно привести достаточное число примеров, когда родо-племенное деление присутствует в неявной форме в современную эпоху перехода от индустриального к автоматизированному обществу. Социально-экономическое и социально-политическое структурирование многих национальных государств подчиняется законам не технологической, но этнической эволюции. Отставание в этническом времени обуславливает низкий уровень производственно-экономического развития по сравнению с другими странами, например, в современной Африке, арабском и индо-китайском регионе. Более того, внутри многонациональных государств возможны диспропорции в этническом времени. Так, например, в современной России родо-племенные отношения у народов Северного Кавказа имеют определяющее значение в формировании хозяйственных локусов и политических структур [5].

Таким образом, подведя итоги сказанному, следует сказать: невозможна прямая экстраполяция социальных законов на этнические процессы. В любом случае можно легко заметить, что нет строгого соответствия между этапами социальной эволюции и этапами этнической эволюции. По мере развития производительных сил этническое трансформируется из системообразующего фактора структурирования социума во второстепенный фактор, выполняющий, в основном, территориально-регулятивные функции. Это происходит по мере того, как генетическое пространство превращается в экономическое пространство.

Примечания:

1. Концепция использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года. URL: <http://www.minsvyaz.ru/site.shtml?id=1858>.
2. Ильин И.А. О сильной власти // Ильин И.А. Наши задачи. М., 1991. С. 34.
3. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 67.
4. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Наука, 2002. С. 86.
5. Кравченко С.А. Социология: парадигмы через призму социологического воображения: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экзамен, 2004. С. 74-83.

References:

1. The Concept of use of an information technologies in activity of federal public authorities till 2010. URL: <http://www.minsvyaz.ru/site.shtml?id=1858>.
2. Ilyin I.A. About the strong power // Ilyin I.A. Our problems. M., 1991. P. 34.
3. Tikhomirov L.A. The monarchic statehood. SPb., 1992. P. 67.
4. Fromm E. Escape from freedom. M.: Nauka, 2002. P. 86.
5. Kravchenko S.A. Sociology: paradigms through a prism of sociological imagination: The manual for higher schools. 2 ed., remade and added. M.: Examen, 2004. P. 74-83.